

ВОСПОМИНАНІЯ

О БАЛАКЛАВСКОМЪ ДѢЛѢ 13-ГО ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА.

Послѣ Альмскаго сраженія, князь Меншиковъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, держался въ оборонительномъ положеніи. Нетерпѣливо, со дня на день, ожидались войска изъ княжествъ; каждый изъ насъ увѣренъ былъ, что съ приходомъ ихъ начнутся дѣйствія наступательныя; всякій горѣлъ желаніемъ побывать въ дѣлѣ!

Маршевой Уланскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить, стоялъ въ это время въ Байдарской долинѣ, наблюдая за Татарами и препятствуя имъ перегонять къ неприятелю скотъ и доставлять ему фуражъ, въ которыхъ онъ очень нуждался. Полкъ занималъ разъѣзды, держалъ пикеты, вообще несъ самую трудную и скучную аванпостную службу. Онъ сформированъ былъ передъ высадкою союзниковъ въ Крымъ изъ резервовъ 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, по недостатку кавалеріи, которая почти вся находилась въ Молдавіи. Но такъ какъ изъ означеннаго полка только что отправлены были, по требованію главнокомандующаго, эскадроны для укомплектованія дѣйствующихъ полковъ, то намъ досталось лишь незначительное число старыхъ людей и коней; большинство же

*

экадроновъ состояло изъ рекрутъ годового срока службы; лошади были тоже молодыя; на нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣты были, во время похода, въ первый разъ мундштуки.

Въ нашемъ полку обнаружилось вполнѣ, какъ важно приученіе лошадей къ постояннымъ трудамъ и неломаніе ихъ, неизбѣжно сопряженное съ утонченною выѣзкою. Съ самаго начала похода, до Николаева, куда до высадки неприятеля направленъ былъ нашъ полкъ, мы шли обыкновенными переходами съ днями, такъ что и люди и лошади приучились къ труду постепенно. Въ Крыму же мы дѣлали походъ форсированно, безъ дневокъ, по 50 верстъ ежедневно. Не смотря на это, мы пришли на мѣсто не изнуренные; лошади были свѣжи и въ хорошемъ тѣлѣ, люди здоровы; вообще во все время нашего пребыванія въ Крыму, не было полка, гдѣ бы меньше нашего было больныхъ, и больше быстрыхъ и въ хорошемъ тѣлѣ лошадей.

Аванпостную службу намъ приходилось нести по дивизионно, смѣняясь чрезъ каждые двое сутокъ. Мы хорошо понимали, что при востребованіи полка для дѣла, часть его непременно должна будетъ остаться въ Байдарской долинѣ, и каждый изъ насъ ничего такъ не боялся, какъ остаться при этой части въ то время, какъ товарищамъ придется побывать въ дѣлѣ. По этому мы шли на смѣну каждый разъ весьма неохотно.

Но вотъ наконецъ начинаютъ подходить давно ожидаемая войска.

Закаленная въ бояхъ, 12-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Липранди, пришла первая, въ полномъ составѣ, изъ Кишинева, совершивъ этотъ длинный путь по Суворовски. Для русскаго солдата походъ ничего не значить; напротивъ, во время похода онъ здоровѣетъ и дѣлается веселѣе. И не мудрено — русскій мужикъ съ малолѣтства приучается къ дальнимъ походамъ. Стоитъ посмотреть на нашихъ плотниковъ и каменщиковъ, которые шагаютъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, тысячами верстъ.

12-го октября, утромъ, козакъ привезъ къ полковому командиру экстренный пакетъ. Съ непритворною радостью встрѣтили мы этого вѣстника, и проводили его до шалаша нашего храброго начальника, покойнаго полковника Еропкина.

Мы чуяли, что онъ привезъ извѣстіе о предстоящемъ боѣ, въ которомъ пришлось бы участвовать и намъ, и съ любопыт-

ствомъ ожидали подтвержденія нашихъ предположеній. Полковникъ не долго заставилъ себя ждать.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже передъ нами съ радостнымъ лицомъ и отдалъ приказаніе сѣдлатъ лошадей, запастись на трое сутокъ фуражемъ, а всѣ хозяйственныя принадлежности и все лишнее отправить въ обозъ; при этомъ онъ объявилъ, что дежурный дивизионъ останется на мѣстѣ. Это досталось на долю 2 дивизиона, то есть маршевымъ эскадронамъ 4-й дивизіи.

Замѣчу мимоходомъ, что за два дня передъ этимъ, по болѣзни моего эскадроннаго командира, я былъ назначенъ командовать 2 эскадрономъ.

Выслушавъ приказанія, мы съ радостію побѣжали къ эскадронамъ. Солдаты суетились уже около лошадей.

Старые солдаты въ подобныхъ случаяхъ имѣютъ какое-то особенное чутье. Они толкуютъ между собою о походѣ или дѣлѣ прежде, чѣмъ знаетъ о томъ начальство. У нихъ есть свои примѣты на разные случаи, которымъ они слѣпо довѣряютъ. Напримѣръ: если лошади днемъ ржать и ложатся, это означаетъ дальній походъ; если лошадь не ѣстъ и стоитъ съ поникшею головою — быть ей убитой; если она наканунѣ боя очень ласкается къ хозяину, быть ему убитымъ.

Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ сбывались иногда подобныя предвѣщанія.

Вечеромъ передъ боемъ я замѣтилъ, что одинъ старый солдатъ, уважаемый всѣмъ эскадрономъ, стоялъ передъ лошадей и горько плакалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ его слезъ: «Какъ, ваше благородіе, мнѣ не плакать», возразилъ онъ, «вѣдь моя Юнона завтра будетъ убита, торбу не ѣстъ и грустна стоитъ. Я на ней вотъ уже восьмой годъ ѣзжу; она ко мнѣ привязана; понимаетъ мои слова, никому не даетъ себя чистить, кромѣ меня. Завтра останусь я сиротою; и любить-то некого будетъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, эта была самая бѣшеная лошадь во всемъ полку; она никому не позволяла подойти къ себѣ, но любила и слушала своего хозяина. Предчувствія старика сбывлись: Юнона была убита.

Черезъ четверть часа послѣ приказанія, полкъ стоялъ въ порядкѣ, готовый двинуться. Солдаты прощались другъ съ другомъ и наказывали землякамъ о пересылкѣ къ нимъ роднымъ, въ случаѣ ихъ смерти, небольшихъ, бывшихъ при нихъ денегъ.

Съ завистью, но и съ грустью, смотрѣли на насъ офицеры 2-го дивизиона: тяжело было разставаться со многими можетъ быть навсегда, и какъ тяжело! Можетъ быть слова мои не покажутся общимъ мѣстомъ для тѣхъ, которые имѣли случай видѣть тѣсное дружество, которымъ связано между собою общество офицеровъ въ кавалерійскихъ армейскихъ полкахъ.

Дѣйствительно, врядъ ли гдѣ развивается такъ товарищество, какъ въ армейскихъ полкахъ, гдѣ самыя обстоятельства тѣсно сближаютъ между собою однополчанъ. Стоянки наши, по большей части, куда какъ не привлекательны, особенно въ поселеніяхъ, гдѣ эскадронъ отъ эскадрона отстоитъ иногда на довольно значительномъ разстояніи. Говорятъ, что человѣкъ, желающій развиться, всегда найдетъ средства достать книги и заниматься серьезно. Но не должно забывать, что для занятій нужно болѣе чѣмъ средства. Для этого необходимы еще и побужденія, и въ этомъ случаѣ одной скуки далеко не достаточно. Нельзя себѣ представить труда серьезнаго безъ какой нибудь опредѣленной, положительной цѣли, а потому одно только желаніе убить время не можетъ побудить человѣка къ ученымъ занятіямъ. Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что занятіе чтеніемъ иногда физически невозможно, по весьма простой причинѣ: гдѣ прикажете взять книгъ? Представьте себѣ, напримѣръ, что вы сидите въ деревнѣ, отъ которой ближайшій помѣщикъ находится въ 70 верстахъ, да при томъ осенью, когда нигдѣ нѣтъ проѣзда, и все ваше общество состоитъ изъ одного полуобразованнаго священника.

Въ полкахъ не всегда находятся библіотеки, а выписывать журналы нѣтъ средствъ. Читатель можетъ быть не повѣрить мнѣ, что при такихъ обстоятельствахъ читается все, что попадаетъ подъ руку, даже старыя газеты, и мало сказать читаются, двадцать разъ перечитываются!

Скука одиночества и бездѣйствія бываетъ такъ сильна, что даже рапортъ вахмистра составляетъ истинное развлеченіе. Онъ является передъ вами и говоритъ вамъ старую, стереотипную фразу, которую вы уже слышали нѣсколько лѣтъ сряду, постоянно произносимую въ одномъ и томъ же тонѣ: «въ эскадронѣ все обстоитъ благополучно.» Вы пользуетесь этимъ случаемъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, предлагать ему вопросы, которые вамъ также давно извѣстны. Напримѣръ, въ родѣ того:

«что, Асмодей потолстѣлъ?» «Потолстѣлъ, ваше благородіе! отчего не потолстѣтъ, кормъ вальяжный и вдоволь».

Такое совершенное одиночество, правда, составляетъ уже особенную невзгоду въ жизни армейскаго офицера. Но вообще хорошая обстановка его въ общественномъ отношеніи — рѣдкость, и дается только въ удѣлъ немногимъ полкамъ. Въ большей части случаевъ все общество армейскаго офицера ограничивается тѣснымъ кружкомъ его полковыхъ товарищей. Съ ними онъ свывается, дѣлитъ радость и горе. Мало по малу отношенія становятся самыя близкія. Однополчане составляютъ болѣе, чѣмъ все общество армейскаго офицера, — они составляютъ его семью.

Естественно, что такое близкое отношеніе тамъ только можетъ водвориться, куда не примѣшивается интересъ. И вотъ тайная разгадка этого славнаго полковаго товарищества, о которомъ каждый служившій въ арміи (я говорю о кавалеріи, въ которой имѣлъ честь служить) выносилъ такое пріятное воспоминаніе на всю жизнь. Въ армейскомъ полку все идетъ обыкновеннымъ, невозмутимымъ порядкомъ. Понятно, что мы не равнодушно разставались съ своими однополчанами передъ боемъ, и съ теплымъ чувствомъ пожимали другъ другу руки.

Но прошу извиненія, если я, можетъ быть неумѣстно, распространялся объ этомъ. Повторяю, каждый служившій въ арміи выносятъ изъ тѣснаго, радушнаго кружка своихъ полковыхъ товарищей столько пріятныхъ воспоминаній, что читатель не долженъ удивляться, если коснувшись этой струны, я отвлекся нѣсколько отъ своего предмета. Струна эта такъ живо затрогиваетъ сердце каждаго армейскаго офицера!...

Полкъ не долго дожидался. Раздалась команда: «справа по шести», и эскадроны, дружно вытянувшись одинъ за другимъ и вышедъ изъ Байдарской долины, пошли по узкой дорогѣ, ведущей къ долинѣ Чернорѣченской, ограниченной съ одной стороны высокими горами, а съ другой глубокимъ оврагомъ, за которымъ, на возвышеніяхъ, расположены были небольшіе непріятельскіе кавалерійскіе пикеты. Досадно бываетъ видѣть непріятеля, и не имѣть возможности съ нимъ сдѣлаться. «Глазъ видать, да зубъ неиметь». Это, впрочемъ, нерѣдко приходится испытывать кавалеристу, во время разъѣздовъ. Правда, досада наша умѣрилась нѣсколько надеждою на скорую встрѣчу съ непріателемъ, въ которой мы надѣялись ему отомстить за прежнія наши неудачи. Особенное желаніе имѣли всѣ схватиться съ англійской

кавалерією, столь извѣстною своими бѣшеными атаками и хладнокровною рубкою.

Путь былъ недалекій, и мы скоро пришли въ долину Черной рѣчки, гдѣ увидѣли расположенную на бивуакахъ, на берегу рѣчки, пѣхоту. Это была 12 пѣхотная дивизія. Адъютантъ главнокомандующаго привезъ намъ приказаніе остановиться тутъ же, и расположиться бивуакомъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. И такъ, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія. Здѣсь сосредоточиваются войска для нападенія на непріятели. Бой будетъ!

Въ самое короткое время коновязи были разбиты, лошади разсѣдланы, и часть солдатъ пошла отыскивать земляковъ между пѣхотинцами. Офицеры послѣдовали ихъ примѣру, и спѣшили свести знакомство съ героями Дунайской арміи.

Знакомство между военными при такихъ обстоятельствахъ дѣлается очень скоро. Черезъ полчаса мы всѣ уже были на самой пріятельской ногѣ съ офицерами 12-й дивизіи и дружно бесѣдовали съ ними, истощаясь въ предположеніяхъ о предстоящемъ дѣлѣ. Пѣхотные офицеры поразказали намъ кое что о своихъ походахъ и о дѣлахъ, въ которыхъ они участвовали на Дунаѣ. Не безъ зависти слушали мы ихъ рассказы, но утѣшались тѣмъ, что много черезъ день и намъ будетъ кое-что поразказать.

Мало по малу къ намъ стали подходить и другія войска; ночью прибыли: 2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи и Уральскій козачій полкъ. Всего сосредоточилось 16 баталіоновъ, 22 эскадрона, 8 сотенъ козаковъ при 52 орудіяхъ.

Вечеромъ узнали мы диспозицію къ предстоявшему бою. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе: войска, подъ общимъ начальствомъ генерала Липранди, должны были двинуться противъ непріятели двумя колоннами. Правая, главная колонна, подъ начальствомъ генерала-маіора Семякина (въ составѣ 16¹/₂ баталіоновъ, 22 эскадроновъ и 2 козачьихъ полковъ, съ 52 орудіями), должна была направиться къ Кадыкіюю. Лѣвая колонна (5 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и одна сотня козаковъ, съ 10 орудіями), подъ начальствомъ генерала-маіора Граббе, — черезъ Байдарскую долину къ Комарамъ, для обезпеченія лѣваго фланга главныхъ силъ отъ обхода. Въ тоже время генераль-маіоръ Жабокрицкій, съ отрядомъ въ 7¹/₂ баталіоновъ, 2 эскадрона и 2 козачьи сотни, долженъ былъ выступить изъ окрестностей Инкер-

мана и, направясь вверхъ по рѣкѣ Черной, обезпечить движенія генерала Липранди съ праваго фланга.

И такъ, цѣль нашихъ дѣйствій—произвести нападеніе на союзниковъ со стороны Кадыкіоя и Балаклавы, двухъ пунктовъ, защищаемыхъ Англичанами.

Бивуакъ нашъ находился у селенія Чоргунъ, на правомъ берегу рѣки Черной, и упирался лѣвымъ флангомъ въ селеніе Карловку, а правымъ въ Трактирный мостъ. Вечеръ былъ тихій и прекрасный, весьма обыкновенный въ осеннее время въ Крыму. По всей долигѣ разложены были костры, около которыхъ сидѣли офицеры, въ самыхъ живописныхъ группахъ, большею частью за самоваромъ, вѣчнымъ спутникомъ дорожной и походной жизни. Громкій смѣхъ раздавался далеко вокругъ; нѣкоторые, не столь беззаботные, тихо бесѣдовали между собою и дѣлали различныя распоряженія: сжигали письма, которыхъ не желали, въ случаѣ смерти, видѣть въ рукахъ постороннихъ, и писали духовныя завѣщанія. Теперь смѣшно вспомнить о многомъ, чтó тогда не поражало никого и казалое въ порядкѣ вещей. Что, подумаешь, за духовная для того, который не имѣетъ ничего, кромѣ вальтрапа, двухъ форменныхъ сюртуковъ и самовара, а между тѣмъ духовныя завѣщанія писались очень усердно.

Тамъ, около лѣска, пща уединенія, разсѣлось нѣсколько юношей, которые въ пылу дружеской бесѣды, среди воспоминаній прошедшаго и мечтаній о предстоящемъ боѣ, забывали о покоѣ, который не бесполезенъ передъ дѣломъ; другіе, какъ бы въ противоположность этой тревожной мечтательности, завернувшись въ бурки или шинели, спали крѣпкимъ сномъ, не заботясь о завтрашнемъ дѣлѣ. Тамъ вдали, въ полумракѣ, около лѣса, освѣщеннаго отблескомъ разложенныхъ костровъ, виднѣлись коновязи, подлѣ которыхъ кучами сидѣли солдаты. Они группировались всегда около старыхъ служивыхъ, и съ живымъ любопытствомъ вслушивались въ ихъ рассказы о битвахъ, о первомъ впечатлѣніи, производимомъ свистомъ пуль, и о многомъ другомъ, что каждому предстояло испытать самому чрезъ нѣсколько часовъ. Нѣкоторые солдаты, менѣе любопытные, или можетъ быть болѣе заботливые, суетились около лошадей. Какъ то таинственно блистали штыки на ружьяхъ, посеребряные едва мерцающимъ огонькомъ потухающихъ костровъ.

Но вотъ постепенно все стихаетъ; воцаряется глубокое молчаніе, прерываемое только ржаніемъ лошадей, бряцаніемъ оружія дежурныхъ и тихимъ шопотомъ незаснувшихъ.

Непродолжительно было это молчаніе. Скоро зардѣлась зоря; лагерь постепенно началъ просыпаться. Солдаты хлопотали около лошадей и оружія, старые служивые надѣвали чистое бѣлье, хранящееся у нихъ всегда въ запасъ, какъ у людей, каждую минуту готовыхъ на смерть; другіе молились, и молились отъ всей души; начальники хлопотали около своихъ частей.

По данному сигналу, пѣхота взялась за ружья и стала выстраиваться; кавалеристы садились на лошадей; артиллеристы брали на передки орудія.

Но вотъ послѣдовало приказаніе двинуться, и войска начали наступать, согласно данной диспозиціи.

Колонны шли въ глубокой тишинѣ; даже лошади не ржали, какъ будто опасаясь пробудить вниманіе непріятеля.

Послѣ не болѣе получасоваго движенія мы очутились передъ непріятельскою позиціею. Она пролегла по самой Воронцовой дорогѣ, вдоль высотъ, господствовавшихъ надъ мѣстностью.

Высоты эти были усилены четырьмя редутами, которые, прикрывая долину, составляли первую линію полевыхъ сооруженій предъ Балаклавою.

Какъ ни далеки были мы, армейскіе офицеры, отъ вѣрной оцѣнки военныхъ событій того времени, но мы ясно понимали, что положеніе союзниковъ въ это время въ Крыму было далеко не блестящее. Мы понимали, что медленность, обнаруженная ими передъ Севастополемъ, лишила ихъ всѣхъ преимуществъ, которыя могла бы доставить имъ побѣда при Альмѣ, и что они перешли изъ положенія наступательнаго въ оборонительное. Мы считали это положеніе не только затруднительнымъ, но и безвыходнымъ. Особенно трудную задачу взяли на себя Англичане. Будучи на правомъ флангѣ расположенія союзниковъ, они должны были, въ одно и тоже время, вести подступы къ Севастополю и озаботиться обезпеченіемъ себя съ тыла и фланга. Для всего этого они имѣли въ своемъ распоряженіи не болѣе 25,000 человекъ; съ этими силами нужно было защищать линію укрѣпленій, построенную ими вдоль цѣпи высотъ отъ Инкермана до Балаклавы, на протяженіи 16 верстъ.

На оборону Балаклавы, какъ пункта, потеря котораго могла нанести рѣшительный ударъ союзникамъ, обращено было, равнѣетса, особенное вниманіе.

Впереди Балаклавы, англійскіе инженеры построили укрѣпленный лагерь едвали не на 30,000 человекъ. Кромѣ того, они предприняли построить кругомъ лагера на высотахъ, такъ сказать опоясывавшихъ Балаклаву, цѣпь редутовъ.

Неизвѣстно, въ какихъ размѣрахъ предполагалось совершить эти сооруженія, но четыре редута, весьма тѣсные, не доставлявшіе другъ другу взаимной фланговой обороны, были готовы въ то время, какъ мы приступали къ непріятельской позиціи; но они не окончательно были еще вооружены и заняты нѣсколькими сотнями Турокъ, которымъ придали англійскихъ офицеровъ и артиллеристовъ. Эти укрѣпленія выступали изъ общей линіи укрѣпленій непріятеля и сюда то готовился нанести ударъ генераль Дипранди.

Какъ мы замѣтили уже выше, каждый изъ насъ инстинктивно понималъ, что положеніе союзниковъ, не смотря на одержанный ими перевѣсъ, вовсе не блестящее. Предшествовавшія неудачи не произвели въ войскахъ упадка духа; напротивъ, возбѣдили живѣйшее желаніе отмстить врагамъ, и можно сказать, что духъ въ войскахъ былъ отличный. Мы носили въ себѣ увѣренность въ несомнѣнномъ торжествѣ надъ непріателемъ.

Наша колонна (подъ начальствомъ генераль-маіора Гриббе) прежде всѣхъ достигла своего назначенія. Полсотни козаковъ, поддержанные эскадрономъ уланъ (маршеваго Бугскаго уланскаго полка), бросились на стоявшій у монастыря Св. Іоанна (Іоанна Постнаго) непріятельскій пикетъ и заставили его быстро отступить. Одновременно съ этимъ, наша пѣхота отгѣснила непріятельскіе аванпосты у селенія Комары и заняла его штуцерными. Артиллерія расположилась по гребню возвышенія, готовая вспомоществовать войскамъ правой колонны, на которыхъ была возложена атака редутовъ. Занятіемъ своей позиціи, генераль Гриббе вполне обезпечивалъ лѣвый флангъ главныхъ силъ.

Когда часть пѣхоты и артиллерія, находившаяся подъ начальствомъ генераль-маіора Семякина, развернулась передъ фронтомъ непріятельской позиціи съ сѣверной стороны Воронцовской дороги, нашъ полкъ, въ составѣ 3 эскадроновъ, прикнулъ къ лѣвому ихъ флангу.

Первая линия пѣхоты выстроилась въ ротныхъ колоннахъ, вторая въ колоннахъ къ атакѣ, кавалерія въ эскадронныхъ колоннахъ. Стрѣлковый баталіонъ и штуцерные всѣхъ полковъ рассыпались въ кустарникахъ, впереди неприятельской позиціи.

Грозно рисовались передъ нами редуты. Мы несомнѣвались, что они должны будутъ намъ достаться и падутъ при первомъ натискѣ, но опасались, чтобы все дѣло не ограничилось этимъ занятіемъ, при которомъ кавалеріи, конечно, нечего было дѣлать.

Когда все было готово къ бою, генералъ Липранди объѣхалъ со своею свитою войска, и, обращаясь къ своей дивизіи, выразилъ надежду, что она будетъ драться также храбро, какъ и на Дунаѣ. Онъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ нашего оружія. Ничто не возбуждаетъ въ такой степени мужества и рѣшимости, какъ увѣренность въ успѣхѣ. Это каждый военный навѣрное не разъ испытывалъ на себѣ и это правило сохраняетъ свою силу и въ отношеніи къ цѣлымъ массамъ войскъ. Замѣчу мимоходомъ, что ничто такъ легко не передается нашему солдату, какъ эта увѣренность. Генералъ Липранди своими краткими словами вполне наэлектризовалъ свой отрядъ. Солдаты неумолкаемымъ «ура» отвѣчали на слова своего любимаго начальника. Это не былъ тотъ кликъ, который такъ протяжно и ровно раздавался на ученьяхъ; это былъ кликъ, предвозвѣстникъ побѣды, естественно вырывававшійся изъ могучей груди нашего богатыря—солдата.

Нашъ полкъ находился въ центрѣ второй линіи, что давало ему возможность быть свидѣтелемъ всего хода сраженія и оцѣнить мужество нашей пѣхоты, столь блестящимъ образомъ обнаружившееся при этомъ случаѣ.

Въ восьмомъ часу, генералъ Семякинъ двинулъ свою пѣхоту на приступъ редута № 1. Азовцы, подъ начальствомъ полковника Криднера, стройно двинулись впередъ въ ротныхъ колоннахъ. Мѣткій артиллерійскій и штуцерный огонь неприятеля не поколебалъ ихъ. Офицеры были впереди и подавали блистательный примѣръ неустрашимости. Солдаты шли не обращая вниманія на артиллерійскій и ружейный огонь. При всякой убыли они смыкались какъ на ученьи. Но вотъ въ стройной массѣ доходятъ они до подошвы горы. Далѣе уже нельзя соблюсти прежнюю стройность. Раздается протяжный кликъ «ура» и крутизна покры-

вается густою толпою взбирающихся на нее солдатъ. При такой быстрой, смѣлой атакѣ, успѣхъ не могъ быть долго сомнительнъ. Солдаты наши взбираются на самое укрѣпленіе и какъ шмели облѣпили его! Многіе уже на валу, многіе проникають въ амбразуры... Значительная часть спустилась въ укрѣпленія. Напрасно англійская батарея, выѣхавъ между редутами № 1 и № 2, открыла огонь во флангъ нашимъ войскамъ; наши штуцерные заставили ее отступить.

Успѣшное овладѣніе редутомъ № 1 рѣшило дѣло въ нашу пользу.

Турки, занимавшіе редуты № 2 и № 3, едва увидѣвъ направленные на нихъ войска праваго крыла, поспѣшно обратились въ бѣгство. Далеко отъ насъ, на оконечности праваго крыла нашего, полковникъ Скудери, съ Одесскимъ егерскимъ полкомъ, овладѣлъ между тѣмъ и редутомъ № 4-го (оставленный вслѣдъ за тѣмъ по приказанію генерала Липранди, какъ пунктъ, слишкомъ отъ насъ отдаленный).

Между тѣмъ, почти въ самомъ началѣ сраженія, шотландскій полкъ, единственное находившееся по близости атакованнаго пункта непріятельское войско, встревоженный нашимъ нападениемъ, расположился впереди селенія Кадыкіой, на главномъ пути наступленія нашихъ войскъ. Турки, бѣжавшіе съ редутовъ, примкнули къ его флангамъ. Нѣсколько спустя, на лѣвомъ флангѣ Шотландцевъ расположилась англійская кавалерійская дивизія Лукана. Появленіе англійской кавалеріи насъ обрадовало: мы надѣялись, что надежда наша сразиться съ нею сбудется.

Читатель могъ замѣтить изъ представляемаго мною очерка, что я вовсе не имѣю въ виду входить въ подробный разборъ Балаклавскаго дѣла, а желаю только передать ему то, чему самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Я позволяю себѣ выдти изъ роли очевидца только тамъ, гдѣ это необходимо для соблюденія общей связи въ описаніи сраженія, которую я считаю себя не вправе нарушить.

Послѣ непродолжительнаго бездѣйствія, послѣдовавшаго за занятіемъ редутовъ, генералъ-лейтенантъ Рыжовъ, начальникъ кавалеріи нашего отряда, получилъ приказаніе произвести атаку съ Лейхтенбергскимъ и Веймарнскимъ гусарскими, Уральскимъ козачьимъ полками и съ конною № 12-го батареею.

Кавалерія наша, пройдя чрезъ переваль между редутомъ № 3-го и № 4-го, спустилась въ долину. Отдѣливъ часть козаковъ

впередъ, генералъ-лейтенантъ Рыжовъ съ гусарами слѣдовалъ за ними. Козаки направились на Шотландцевъ, стоявшихъ на склонѣ высотъ, возлѣ лагера, и обхватили ихъ съ обоихъ фланговъ. Непрiятельская артиллерiя встрѣтила ихъ картечью, а шотландскiе стрѣлки, взобравшись на возвышенiе, хладнокровно подпустили ихъ къ себѣ на вѣрный выстрѣлъ и тогда только открыли губительный огонь. Ошеломленные козаки были опрокинуты, но оправившись, бросились снова въ атаку, которая была также неудачна, какъ и въ первый разъ. Между тѣмъ наши гусары стройно подвигались впередъ и, несмотря на огонь артиллерiи, стали выстраиваться. Въ первой линiи развернулся Веймарскiй полкъ, имѣя шесть эскадроновъ развернутыхъ, по флангамъ 4 орудiя, а въ прикрытiи ихъ по эскадрону въ колоннѣ. Во второй линiи были Лейхтенбергцы въ колоннахъ къ атакѣ.

Генералъ-лейтенантъ Рыжовъ обнаружилъ при этой атакѣ свою обычную неустрашимость и хладнокровiе. Подобно Мюрату, несся онъ впереди своей кавалерiи, не обнажая сабли. Огонь артиллерiи и козаковъ не остановилъ гусаръ, ободряемыхъ призывомъ своего старика-начальника. Бригада тяжелой кавалерiи, подъ начальствомъ Скерлета, двинулась имъ на встрѣчу, но движенiе ея было замедлено пересѣченною мѣстностью поля, заросшаго виноградниками.

Тогда генералъ Скерлетъ подкрѣпилъ свою кавалерiю двумя гвардейскими полками. Эти свѣжiя войска обхватили нашихъ гусаръ съ обонхъ фланговъ. Въ то же время кавалерiя наша была обсыпана картечью и пулями. Она не выдержала и быстро отступила.

Схватка эта не обошлась безъ геройскихъ подвиговъ. Храбрый ротмистръ Хитрово, командиръ 1-го эскадрона Веймарскаго полка, раненный пулею и нѣсколькими сабельными ударами и окруженный непрiателемъ, дрался отчаянно. Эскадронъ бросился на выручку своего любимаго начальника, но ротмистръ Хитрово, видя неизбежную гибель своихъ людей, приказалъ имъ воротиться. Уже спѣшенный, онъ продолжалъ драться, пока не палъ подъ ударами непрiятеля. Вотъ другой эпизодъ, характеризующiй русскаго солдата; лошадь подъ генералъ-лейтенантомъ Рыжовымъ была убита пулею во время схватки. Плохо приходилось храброму начальнику, но самоотверженiе унтеръ-офицера Веймарскаго полка спасло его отъ неизбежнаго плѣна; храбрецъ слѣзъ съ лошади и отдалъ ее командиру. Самъ же,

снявъ съ убитой генеральской лошади сѣдло, поймалъ непріятельскаго коня, разсѣдлалъ, надѣлъ на него генеральское, и ускакалъ. Присоединясь къ полку, онъ отдалъ спасенное имъ сѣдло по принадлежности. Когда его спросили: зачѣмъ не оставилъ онъ его на убитой лошади? — онъ отвѣчалъ:

— Вотъ-те на! Развѣ можно оставить у непріятеля въ рукахъ генеральское сѣдло.

Уланскій полкъ между тѣмъ стоялъ, какъ выше было упомянуто, около Воронцовской дороги, почти прѣтвивъ Кадыкіокскихъ высотъ. Ординарецъ генераль-лейтенанта Липранди, не понявъ приказанія, отданнаго ему, подѣхалъ къ полку и сказалъ полковому командиру, что генераль велѣлъ идти впередъ, для поддержанія гусарь. Намъ удивило это приказаніе. Мы понимали, очень хорошо, что исполняя его, намъ пришлось бы встрѣтить отступающихъ гусарь, которые могли бы смять и разстроить насъ до встрѣчи съ непріателемъ. Но приказаніе дано; разсуждать не велѣно, да и не всегда возможно. Мы развернули эскадроны въ одну линію и пошли прибавленною рысью. Замаскированная непріятельская батарея выѣхала намъ навстрѣчу и, снявшись съ передковъ, обсыпала насъ картечью.

Генераль-лейтенантъ Липранди, увидавъ съ редута № 1-го, гдѣ онъ тогда находился, наше движеніе, и, понимая ужасное положеніе, которому мы подвергались, послалъ адъютанта съ приказаніемъ немедленно вернуться на прежнее мѣсто. Къ счастью, мы получили это приказаніе еще во время, иначе, вырывающіеся кучами изъ схватки гусары наскочили бы на насъ и произвели бы страшный безпорядокъ. Повернувъ на лѣво кругомъ, мы пошли большой рысью на прежнее мѣсто, гдѣ построились опять въ колонну. Бригада Скерлета, совершивъ свое дѣло, также отошла назадъ. Отрядъ генерала Жабокрицкаго примкнулъ между тѣмъ къ нашему правому флангу.

При первыхъ выстрѣлахъ, въ семь съ половиною часовъ, лордъ Рагланъ и Кампоберъ прибыли на мѣсто сраженія. Боске поставилъ весь свой корпусъ подъ ружье и велѣлъ одной бригадѣ спуститься съ высотъ, чтобы служить связью между англійскими и французскими войсками. Лордъ Рагланъ приказалъ усилить свой лѣвый флангъ и подойти резервамъ.

Генераль-лейтенантъ Липранди, угадывая намѣреніе непріятеля произвести наступленіе, призналъ необходимымъ сдѣлать

нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи войскъ и усилить свой правый флангъ. Пѣхота по прежнему заняла высоты. Правый флангъ, расположенный уступами назадъ, составлялъ съ фронтомъ позиціи нашей почти прямой уголъ. Онъ состоялъ изъ Одесскаго егерскаго полка съ 8 орудіями. Мы были также переведены съ лѣваго фланга на правый и расположились между редутами № 2-го и № 3-го. Въ долину, раздѣляющей Кадыкіокскія высоты отъ Оедеуихиныхъ горъ, гдѣ стоялъ генералъ Жабокрицкій, находилась гусарская бригада и Уральскій полкъ.

Гусары и Уральцы были построены слѣдующимъ образомъ: Уральцы стояли впереди, около возвышеній, правѣе ихъ Донская батарея, имѣя по флангамъ, для прикрытія, по дивизиону Веймарнскаго полка въ колоннѣ къ атакѣ; сзади ея остальные два дивизиона; за Веймарнцами, въ развернутомъ фронтѣ, Лейхтенбергцы.

Лордъ Рагланъ рѣшился атаковать правый флангъ нашъ и съ этою цѣлью двинулъ впередъ легкую кавалерію (бригаду Кардигана), которая не принимала участія въ схваткѣ съ гусарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Канробера поддержать его атаку.

Здѣсь произошло одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя такъ часто случаются въ пылу боя: капитанъ Ноланъ, адъютантъ генералъ-квартирмейстера, привезъ лорду Лукану такого рода письменный приказъ: «Лордъ Рагланъ поручаетъ выдвинуться впередъ, препятствовать непріятелю уносить орудія съ редута и атаковать русскую кавалерію. Возьмите съ собою конную батарею. Васъ съ лѣва поддержать африканскіе егеря».

Отдано ли было дѣйствительно лордомъ Рагланомъ приказаніе атаковать нашу кавалерію или слова его не такъ были поняты — не извѣстно! Не входя въ разборъ этого дѣла, мы замѣтимъ только, что недоразумѣніе это имѣло гибельныя слѣдствія для англійской кавалеріи.

Кардиганъ ужаснулся этого приказанія; онъ понималъ все безвыходное положеніе, которому долженъ былъ подвергнуться при атакѣ. И въ самомъ дѣлѣ, ему приходилось идти подъ перекрестными выстрѣлами нашей артиллеріи и стрѣлковъ; за тѣмъ, разстроеному отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, надлежало встрѣтить атаку русской кавалеріи. Но дѣлать было нечего. Онъ повелъ бригаду, и, обогнувъ редутъ № 4-го, выстроилъ войско въ долину, въ двѣ колонны, и продолжалъ движеніе. Отважные

Англичане неслись быстро за своимъ начальникомъ. Русскіе встрѣтили ихъ картечью, а пѣхота, свернувшись въ каре, — батальнымъ огнемъ. Англичанъ ничто не могло остановить, ни картечь, вырывавшая цѣлые ряды солдатъ, ни пули, летавшія около нихъ какъ мухи; они двигались быстро впередъ. Козаки наши, видя стройнаго непріятеля, несущагося на нихъ, не выдержали, — повернули на лѣво кругомъ, начали стрѣлять по своимъ, смяли Веймарнцевъ, прикрывавшихъ артиллерию, и произвели въ рядахъ ихъ страшную суматоху. Разстроенные Веймарнцы бросились назадъ, сбили Лейхтенбергцевъ, и вся паша кавалерійская линія начала быстро отступать. Храбрые офицеры старались остановить солдатъ, но тщетно; толчекъ былъ данъ; не оставалось никакихъ средствъ возстановить порядокъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ бросились было впередъ, но поплатились за свою отвагу жизнію; въ числѣ прочихъ погибъ здѣсь храбрый полковникъ Войниловичъ. Генераль-лейтенантъ Рыжовъ отступилъ одинъ изъ послѣднихъ; онъ искалъ смерти, зная, что отвѣтственность въ неуспѣхѣ падеть на него. Конечно, не въ недостаткѣ мужества можно было обвинить доблестнаго воина. Единственное, что можетъ быть поставлено ему въ вину, это ошибочное расположеніе козаковъ, которыхъ онъ поставилъ въ первой линіи.

Англичане, несмотря на картечный огонь Донской артиллеріи, наскочили на батареи; артиллеристы, видя невозможность взять съ собою орудія, отступили съ передками. Непріятель, загвоздивъ нѣсколько орудій и думая при обратномъ пути ихъ захватить, продолжалъ движеніе далѣе, напалъ на отступающихъ гусаръ, рубилъ ихъ безпощадно и чисто насѣдалъ на плечи. Преслѣдуемые гусары неслись къ Чернорѣченской долинѣ; имъ приходилось переправляться черезъ рѣчку, на которой былъ только одинъ мостъ; дойдя до моста они всѣ разомъ хотѣли на него броситься. Тутъ началась страшная суматоха: артиллеристы (конная № 12-й батарея и передки донской батареи) страшась попасть въ руки непріятеля, напрягли всѣ свои усилія и прорвались чрезъ безпорядочную толпу. Гусары дрались около моста отчаянно, но, приведенные уже въ разстройство въ началѣ дѣла, не могли придти въ порядокъ и среди ожесточенной рубки мало по малу отступали по слѣдамъ артиллеріи. Англичане преслѣдовали ихъ почти до обоза.

Тогда уланскій полкъ, находившійся между редутомъ №№ 2 и 3-го, получилъ приказаніе двинуться впередъ и атаковать непріятеля при его отступленіи. Это извѣстіе насъ обрадовало. Наконецъ и до насъ дошла очередь, и мы изъ простыхъ зрителей становились дѣйствующими лицами.

Дивизионеръ, маіоръ Тиньковъ, за отсутствіемъ полковаго командира полковника Еропкина, отозваннаго предъ тѣмъ къ начальнику отряда, скомандовалъ «на право» и мы, захвативъ лѣвымъ плечомъ, пошли на большихъ рысяхъ, вдоль линіи нашей пѣхоты. Одинъ изъ баталіоновъ Одесскаго полка, принявъ насъ за непріятеля, по той причинѣ, что мы были на разномастныхъ лошадяхъ (тогда какъ русскіе кавалерійскіе полки бываютъ обыкновенно одномастные), свернулся въ каре и открылъ по насъ батальный огонь. Мы кричали изо всей силы, чтобы дать имъ замѣтить ихъ ошибку, но они не переставали стрѣлять; въ рядахъ нашихъ началъ раздаваться ропотъ и говоръ объ измѣнѣ. Къ счастью, баталіонный командиръ замѣтилъ скоро свою ошибку и прекратилъ огонь. Мы потеряли отъ этого недоразумѣнія трехъ лошадей убитыми и двухъ солдатъ ранеными. Дойдя до дороги, ведущей къ Мекензѣевой горѣ, мы остановились, и, повернувъ во фронтъ, начали разворачиваться. Непріятель, кончившій преслѣдованіе гусаръ, отступалъ. Никогда нельзя лучше оцѣнить кавалерію, какъ при отступленіи, послѣ удачной атаки, въ виду непріятеля. Нужно отдать справедливость Англичанамъ, они представляли верхъ совершенства въ этомъ отношеніи и шли на рысяхъ въ порядкѣ, какъ на ученьи.

1-й эскадронъ нашего полка, подъ начальствомъ ротмистра Вержбицкаго, повернувъ на право, а потомъ во фронтъ, первый стремительно бросился на непріятеля; затѣмъ очистился фронтъ моего эскадрона, и я повелъ его прямо впередъ; 3-й эскадронъ, подъ начальствомъ маіора Лавреніуса, повернулъ на лѣво, и послѣдовалъ за нами. Но еще въ самомъ началѣ построенія, храбрый корнетъ Астафьевъ, взводный командиръ моего эскадрона, бросился одинъ на приближавшагося непріятеля и врѣзался въ голову его колонны. Хотя въ этомъ дѣйствіи было нарушеніе дисциплины, но геройскій подвигъ Астафьева служилъ еще большимъ возбужденіемъ энергіи въ рекрутахъ, изъ которыхъ былъ составленъ нашъ полкъ. Я только что успѣлъ скомандовать въ атаку, какъ четвертый взводъ, въ которомъ состоялъ

ВСПОМИНАНІЯ О БАЛАКЛАВСКОМЪ ДѢЛѢ 13 ОКТЯБРЯ 1854 Г.

Астафьевъ, бросился впередъ и, перегнавъ прочіе, поспѣшилъ на выручку своего любимаго командира.

Непріятель былъ ошеломленъ нашимъ появленіемъ, котораго онъ никакъ не ожидалъ. Наша атака была вполнѣ фланговая и слѣдовательно гибельная для кавалеріи. Быстро врѣзались наши храбрые уланы въ англійскую колонну. Началась отчаянная рубка. Наша пѣхота и артиллерія открыли въ это время огонь. Нужно сознаться, впрочемъ, что мы терпѣли отъ него, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и непріятель, такъ что большая часть нашихъ лошадей была ранена и убита пулями своихъ. Англичане дрались удивительно храбро; даже спѣшенные и раненые не хотѣли сдаваться и продолжали отбиваться, какъ говорится, до послѣдней капли крови.

Колонна ихъ была почти совершенно уничтожена; мало кто изъ непріятелей вернулся въ лагерь. Мы преслѣдовали ихъ почти до 4-го редута. Въ это время полковникъ Еропкинъ, по приказанію генераль-лейтенанта Липранди, спѣшилъ догнать полкъ, но по дорогѣ былъ атакованъ тремя Англичанами; одного онъ убилъ выстрѣломъ изъ пистолета, съ другимъ схватился вѣстовой его унтеръ-офицеръ Муха, съ третьимъ Еропкинъ справился чисто по-руски: не успѣвъ схватиться за саблю, онъ ударилъ Англичанина кулакомъ въ лицо и когда тотъ упалъ на шею лошади, то храбрый полковникъ нанесъ ему еще ударъ въ високъ, который окончателью ошеломилъ его. Послѣ этого подвига, Еропкинъ присоединился къ полку и хладнокровно распоряжался во все остальное время боя.

Собравшись опять около дороги на Мекензіеву гору, мы стояли развернутыми въ линію и дожидали приказанія слѣзть съ лошадей, предполагая, что покончили совсѣмъ съ непріятелемъ.

Вдругъ показалась вдали пыль, а за нею масса кавалеріи. По отдаленности нельзя было разобрать, были ли то наши или непріятель. По мѣрѣ приближенія колонны, мы увидѣли, что къ намъ неслись гусары въ черныхъ ментикахъ, шитыхъ золотомъ, на темныхъ лошадяхъ, точь въ точь какъ наши Лейхтенбергцы. Подъѣхавшій къ намъ офицеръ генеральнаго штаба увѣрилъ насъ къ тому же, что это были дѣйствительно Лейхтенбергцы, идущіе къ намъ на подкрѣпленіе. Колонна была уже очень недалеко отъ насъ, когда мы увидѣли, что предположенія наши были ошибочны: то была другая непріятельская колонна, отступавшая вслѣдъ за первою.

Нигдѣ такъ не важно воспользоваться благоприятнымъ моментомъ, какъ въ кавалеріи, гдѣ потеря удобной минуты, бываетъ въ полномъ смыслѣ невознагражима. Мы упустили такую удобную минуту. Нѣсколько секундъ ранѣе и мы могли стать на пути отступленія непріятеля, и бросившись въ атаку, опрокинуть его назадъ на нашихъ гусаръ. Такимъ образомъ, мы поставили бы его между двухъ огней, и забрали бы живѣемъ всю колонну. Теперь это было уже поздно, и чтобы атаковать непріятеля, намъ пришлось сдѣлать большой заѣздъ.

Этотъ разъ мы встрѣтились съ непріятелемъ лицомъ къ лицу. Долгое время не подавалась ни та, ни другая сторона. Англичане дрались отчаянно. Они знали, что имъ одно спасеніе—пробиться. Мало кому однако же это удалось.

Послѣ весьма непродолжительной схватки, большая часть Англичанъ была убита или тяжело ранена. Только весьма немногіе всадники, спасшіеся отъ общаго истребленія, неслись по открытой равнинѣ, преслѣдуемые уланами.

Преслѣдованіе составляетъ особый родъ дѣйствій кавалеріи. Здѣсь, догнавъ непріятеля, кавалеристъ дерется въ одиночку, хладнокровно: это своего рода дуэль. Кромѣ чувства самосохраненія, здѣсь дѣйствуетъ еще и самолюбіе. Каждому хочется быть побѣдителемъ, выказать удалство.

Первые спасшіеся отъ общей гибели были лордъ Кордиганъ и адъютантъ его; нѣсколько офицеровъ и солдатъ бросались ихъ преслѣдовать. Адъютантъ былъ скоро догнанъ и убитъ, но у лорда Кордигана лошадь была быстрѣе молніи: вотъ кажется догонять его, еще скачекъ и онъ въ нашихъ рукахъ; не тутъ-то было: едва Кордиганъ дастъ шпоры лошади, она рванется и опять всѣ далеко отъ него. За такую лошадь можно было бы дать огромныя деньги.

Возвращаясь съ преслѣдованія, мы снова встрѣчались съ одинокими спѣшенными и конными остальными непріятельскими кавалеристами. Тутъ опять пошли поединки, опять одиночныя схватки. При этомъ случаѣ съ поручикомъ Павловымъ повторилось почти тоже, что и съ полковникомъ Еропкинымъ: онъ схватился съ двумя Англичанами; на него напалъ сзади еще одинъ; лошадь его была ранена, ему приходилось плохо, но унтеръ-офицеръ уланскаго Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича полка, Ивченко, бросился на выручку, убилъ одного Англичанина, а съ другимъ Павловъ справился самъ.

Но вотъ, по приказанію полковаго командира, раздакъ сигналъ «апшель», и мы, оставивъ преслѣдованіе, начали собираться.

Въ это время французскіе конные егеря бросились на батарею отряда генерала Жабокрицкаго, производившую усиленную пальбу по отступавшей англійской кавалеріи. Французы начали уже рубить прислугу, но генералъ Жабокрицкій повелъ въ штыки два баталіона Владимірскаго полка. Непритель отступилъ.

Эта кавалерійская атака были послѣднею попыткою союзниковъ въ Кадыкіокскомъ дѣлѣ; озадаченные потерей большей части кавалеріи, они ограничились одною канонадою, продолжавшеюся до 3 часовъ пополудни.

Послѣ боя, къ нашему полку подѣхалъ генералъ-лейтенантъ Рыжовъ, который до назначенія своего начальникомъ всей кавалеріи, находившейся въ Крыму, былъ нашимъ бригаднымъ командиромъ. Старикъ очень любилъ наши резервные полки, да и не удивительно. Онъ состоялъ въ резервахъ съ самого начала ихъ сформированія, и принималъ большое участіе въ фронтовомъ образованіи ихъ. Заслуженный ветеранъ благодарилъ полкъ со слезами на глазахъ, говорилъ, что лучшія мечты его сбылись. Онъ видѣлъ насъ въ дѣлѣ, гдѣ мы вели себя какъ слѣдуетъ русскимъ войскамъ.

Главнoкомандующій князь Меншиковъ, объѣзжая полки, подѣхалъ къ намъ и сказалъ, что мы начали свое молодое поприще блестящимъ образомъ, и пожелалъ намъ продолжать его также хорошо.

Эти похвалы порадовали насъ, но мы понимали хорошо свое положеніе: нашъ полкъ не былъ дѣйствующимъ, а только случайно и временно составленною командою; кончись завтра война, насъ сейчасъ же расформируютъ, думали мы, и со временемъ, читая въ реляціяхъ о маршевомъ уланскомъ полку, многіе не поймутъ, что это за полкъ и откуда онъ взялся. Совсѣмъ иное дѣло, еслибы мы состояли въ дѣйствующемъ, постоянномъ полку; тогда бы эта атака внесена была въ лѣтописи, и имя его поставили бы на ряду съ именами храбрѣйшихъ кавалерійскихъ полковъ.

Послѣ дѣла выставлены были цѣпи пѣхотная и кавалерійская и дивизионъ гусарь для поддержанія ихъ. Остальныя войска расположились: одна часть пѣхоты на редутахъ, а другая вмѣстѣ съ кавалеріею на отбитой позиціи.

Вечеромъ, когда собрались къ кострамъ, рассказамъ не было конца; всякій старался наперерывъ другъ передъ другомъ рассказать подвиги, которымъ онъ былъ очевидцемъ. Но какъ ни радостна была для насъ мысль о побѣдѣ, этотъ вечеръ не былъ такъ шуменъ и веселъ, какъ предшествовавшій. Сраженіе, со всѣми ужасами смерти, оставляетъ въ сердцѣ тяжелое чувство. Многихъ изъ насъ недоставало, нѣкоторые были переранены, всюду лежали тѣла убитыхъ, все это вмѣстѣ какъ то грустно настроило всѣхъ насъ и мы заснули подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями.

Поручикъ КОРИВУТЬ-КУВИТОВИЧЪ.
